

Исторические науки

УДК 122/129

В.Г. Торосян,

Т.Т. Тедеева

Торосян Вардан Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения, Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: torosyan5@mail.ru

Тедеева Тамара Тотразовна аспирантка кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: toma.tedeeva.86@mail.ru

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрываются вопросы взаимоотношений советского государства и церкви в годы Великой Отечественной войны. Задачи на пути к Великой Победе требовали решительного сплочения государства и церкви.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская Православная Церковь (РПЦ), религиозные организации СССР, политика партии.

V.G. Torosyan,

T.T. Tedeeva

Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor of department of history, cultural science and museology, Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: torosyan5@mail.ru

Tedeeva Tamara Totrazovna, post-graduate student of the Department of History, Culturology and Museum Studies, Krasnodar state institute of culture (33, im. 40- letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: toma.tedeeva.86@mail.ru

RELIGION AND CHURCH IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article reveals the issues of the relationship between the Soviet state and the church during the Great Patriotic War. The tasks on the way to the Great Victory required joint decisions, both secular and spiritual.

Key words: The Great Patriotic War, the Russian Orthodox Church (ROC), religious organizations of the USSR, party policy.

К началу Великой Отечественной войны репрессивная политика государства в отношении церкви и духовенства, начавшаяся с первых дней установления советской власти, привела к серьезнейшей угрозе их полного уничтожения. В СССР была объявлена «безбожная пятилетка», в ходе которой советским правительством планировалась окончательная победа над религиозными пережитками.

Масштабная волна закрытия молитвенных заведений и гонений на духовенство всех исповеданий пришла на 1937–1941 гг. Так, в 1937 г. были арестованы 136 900 православных священников и церковнослужителей, из них расстреляны – 85 300 человек; в 1938 г. арестованы 28 300 клириков, расстреляны – 21 500 человек; в 1939 г. арестованы 1500 представителей православного духовенства, расстреляны – 900 человек; в 1940 г. арестованы 5100 священнослужителей, расстреляны – 1100 человек; в 1941 г. арестованы 4 тысячи церковнослужителей, расстреляны 1900 человек [1].

Религиозные служители, архиереи, которые оставались еще в живых, большей частью оказались в лагерях. Количество действующих церквей и храмов в советской стране составляло не более двух – трех сотен. Тем не менее, невыносимые условия деятельности РПЦ не помешали 22 июня 1941 г. местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) выступить с поддержкой народа в тяжелое военное время: «Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу пережить годину тяжких испытаний и победоносно завершить войну нашей победой. Господь нам дарует победу!»

Надо сказать, что затаенное недовольство народов России репрессивной политикой государства в отношении церкви и духовенства к началу ВОВ переросло в серьезное роптание: «Господь (Аллах) наказывает нас за безбожие!» Этим настроениям способствовало и по своему значительное течение обстоятельств: 21 июня научная экспедиция начала раскопки могилы Тамерлана в Самарканде, что, по местному преданию, предвещало неминуемую войну – которая и началась в ночь на 22-е. Особенно недовольны были антирелигиозной политикой государства представители мусульманской культуры, усматривая в ней разрушение их вековых традиций.

Этими настроениями не замедлили воспользоваться фашистские захватчики, которые на оккупированной советской территории проводили продуманную религиозную политику: открывали церкви и храмы там, где проводили антисоветскую пропаганду. О реальных намерениях оккупантов красноречиво говорил приказ Главного управления безопасности Рейха, в котором отмечалось, что с германской стороны не должно оказываться содействие церковной жизни, богослужениям или крещениям; о воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи, а разъединение на разные церковные группы было бы желательно.

Тем не менее, пропагандистские действия оккупационных властей по открытию церквей не могли не вызвать соответствующей реакции Сталина.

Советское руководство официально пошло на разрешение открывать церкви на не оккупированных территориях, преследования духовенства РПЦ прекратились, служители церкви возвращались из лагерей и стали вести службы в старых и вновь открытых храмах. Новый вектор церковно-государственных отношений в итоге позволил укрепить материальное, политическое и правовое положение Русской Православной Церкви, защитить духовенство от преследований и дальнейших репрессий, повысить авторитет Церкви в народе. Великая Отечественная война, став тяжелым испытанием для всего народа, спасла Русскую Церковь от полного уничтожения. В советских городах и селах работники исполкомов давали добро на открытие храмов в ответ на просьбы и письменные заявления множества простых людей.

Мы знаем, что министром оккупированных территорий СССР в конце июля 1941 г. стал А. Розенберг, настроенный к христианству враждебно и считающий православие «красочным этнографическим ритуалом». Осенью 1942 г. активизировались попытки Германии разыграть антимосковскую «церковную карту», а именно: создавались планы организации Поместного Собора в г. Ростове-на-Дону или в г. Ставрополе с избранием Патриархом архиепископа Берлинского Серафима (Лядэ), этнического немца с явными профашистскими симпатиями.

Немецкие оккупационные власти достаточно быстро поняли, какой эмоционально-патриотический подъем несет возрождение церковной православной жизни, а потому пытались жестко регламентировать формы отправления культа: ограничивалось время проведения богослужений (только ранним утром в выходные дни), их длительность, а колокольный звон был вообще запрещен. Вся православная церковная недвижимость на оккупированных немцами землях объявлялась их собственностью, а когда оккупанты считали необходимым, они использовали церкви в качестве тюрем, казарм, конюшен, огневых точек [2].

Оккупационные власти, раскалывая Русскую Православную Церковь, поддерживали раскольническое движение или вынуждали православное духовенство объявлять о своей независимости от Московской Патриархии. Так, например, на Украине при поддержке националистов и с одобрения немецких властей викарный Владимиро-Волинский епископ Поликарп (Сикорский) и архиепископ Александр (Иноземцев) организовали свою Украинскую автокефальную православную Церковь. Однако большинство православных общин Украины сохраняло каноническую связь с Московской Патриархией.

Другой наглядный пример: оккупировав летом 1941 г. Эстонию, немцы приказали Таллинскому митрополиту Александру (Паулусу) отделиться от РПЦ. В октябре 1941 г. по настоянию немецкого Генерального комиссара Белоруссии была создана Белорусская Церковь [3].

И сейчас мы видим подобные тенденции со стороны украинских националистов, которые всеми силами пропагандируют идею отделения Украинской Церкви от Московского Патриархата.

Германские власти всячески преследовали распространение документов, которые были связаны с митрополитом Сергием (Стагородским). Согласно немецким приказам в случае захвата Москвы митрополит Сергей (Стагородский) подлежал немедленному аресту. Как надеялись оккупанты, православные общины только на словах заявляли о своей лояльности Московскому Патриархату, а на деле все были готовы поддержать немецкую армию в уничтожении атеистического СССР.

При планировании оккупационной политики немцы особо учитывали и религиозный фактор в местах традиционного проживания мусульман, прежде всего в Крыму и на Кавказе. Немецкая пропагандистская машина провозглашала уважение к ценностям ислама, утверждала оккупацию как освобождение мусульманского народа от большевизма, гарантировала создание условий для возрождения ислама, охотно открывала мечети,

мусульманскому духовенству давали широкую возможность обращаться к верующим через местное радио и местную печать.

Из военнопленных Красной Армии, особенно из верующих, формировали так называемые конфессиональные военные подразделения: «Туркестанский легион», «Идель-Урал» и др. Германское военное командование рассчитывало использовать мусульман в борьбе с партизанами в Белоруссии, в Прибалтике и на Украине, а также и за пределами СССР – в Югославии, Франции, Польше и др.

Намерениям оккупантов не суждено было сбыться. Важнейшей страницей военной истории РПЦ стала помощь партизанам. В начале 1942 г. было опубликовано послание Патриаршего местоблюстителя к верующим на оккупированных территориях СССР. В нем был призыв к оказанию помощи и поддержки в борьбе партизан с немцами. В конце послания были такие слова: « ... помните, что всякая услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению из фашистского плена».

Такие призывы получали широкий отклик среди верующих, что, казалось бы, не могло произойти после жестоких антихристианских гонений в довоенное время. Оккупационные немецкие власти расстрелами и необоснованной жестокостью отвечали на патриотизм русских, украинских и белорусских батюшек и верующих. За содействие партизанскому движению, к примеру, только в Полесской епархии Белоруссии было расстреляно фашистами более половины священнослужителей. С другой стороны, желание некоторых религиозных представителей не поддерживать подпольное освободительное движение оценивались партизанами как предательство. За сотрудничество с немцами только в Белоруссии подпольные отряды казнили сорок два священника.

Величайшим примером мужества является жизнь и духовная деятельность православного духовенства и мирян во время блокады Ленинграда (8 сентября 1941 г. – 18 января 1944 г.). Девятьсот дней в

осажденном городе митрополит Алексей (Симанский; впоследствии Патриарх Московский и всея Руси) проводил службы в Никольском Морском соборе, других храмах города, совершал литургии, отпевал жертв блокады, обращался с патриотическими воззваниями к священнослужителям и верующим. Русская Православная Церковь Ленинграда оказывала посильную помощь медикаментами, дровами, продуктами из своих приходских запасов. В ленинградских приходах был организован сбор средств в Фонд обороны, а в период Великой Отечественной войны за 1941–1945 гг. было собрано более 17 миллионов рублей. После полного снятия блокады в январе 1944 г. митрополит Алексей в составе комиссии по расследованию злодеяний немецких захватчиков посетил освобожденные Петергоф и Пушкин, где были констатированы многочисленные факты разрушения фашистскими войсками храмов, церквей, приходов и убийства более двух тысяч мирных жителей, которые были собраны немцами в Петергофской кладбищенской церкви Святой Троицы и взорваны вместе со зданием храма [4].

В первый же год войны православные храмы Москвы передали в Фонд обороны более 3 миллионов рублей, церкви г. Горького – более 4 миллионов рублей, церкви г. Куйбышева – более 2 миллионов рублей. Русская Православная Церковь заботилась о детях воинов, которые сражались на фронтах: был объявлен сбор средств во всех действовавших храмах в особый Фонд помощи детям. Так, Московская Патриархия первой сдала один миллион рублей [5].

Безусловно, необходимо отметить и ту материальную поддержку, которую РПЦ оказывала Красной армии. Московская Патриархия в январе 1943 г. организовав финансовые и другие сборы на оборону страны предприняла важный шаг на пути к фактической легализации Церкви. Так, на имя И. В. Сталина была послана телеграмма, в которой испрашивалось его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды Великой Отечественной войны. А уже в феврале РПЦ было получено письменное разрешение. Еще до

официального разрешения открытия государственного счета, с первых месяцев войны практически все православные приходы стихийно начали сбор средств в фонд обороны страны. Верующие жертвовали деньги и облигации, изделия и лом из драгоценных и цветных металлов, вещи, обувь, полотно, шерсть, продукты питания и многое другое.

К лету 1945 г. общая сумма только денежных взносов на эти цели, по неполным данным, составила более трехсот миллионов рублей, без учета драгоценностей, одежды и продовольствия. Более того, псковский священник Федор Пузанов под боком у фашистских властей собрал около 500 тысяч рублей пожертвований и передал их на «большую землю». Особо значимым церковным деянием стала постройка на средства православных верующих колонны танков Т-34 имени Дмитрия Донского (40 машин) и эскадрильи самолетов, названной «Александр Невский». Всего за годы войны Московской Патриархией, духовенством и верующими было собрано более трехсот миллионов рублей без учета ценностей, вещей и продуктов питания [6].

Советское руководство и сам И. В. Сталин высоко оценили патриотическую деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, а свидетельством такого отношения можно считать присутствие Патриарха Алексия на трибуне мавзолея В. И. Ленина во время Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г., а позже его награждение орденом Трудового Красного знамени.

В сентябре 1943 г. архиерейский собор РПЦ провозгласил в числе деяний «Осуждение изменников вере и Отечеству»: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана [7].

Истинный масштаб ущерба, нанесенного Русской Православной Церкви германскими оккупантами, с точностью установить невозможно, т.к. он огромен и во многом невосполним ни материально, ни духовно. Тем не

менее, уже в ноябре 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, а также причиненного материального ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В состав Комиссии был включен и представитель от Русской Православной Церкви – митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич). Сотрудниками Комиссии был разработан перечень преступлений в отношении религиозных культурных ценностей и учреждений РПЦ, других религиозных объединений.

Комиссия составляла акты ущерба, грабежа и увоза художественных и религиозных памятников и церковной утвари, порчи иконостасов, икон и др. К таким актам прилагались устные и письменные показания свидетелей, инвентарные описи, фотографии, документальные фильмы. Специально разработанный ценник был утвержден митрополитом Николаем в августе 1943 г. Все данные Государственной комиссии были представлены на заседаниях Нюрнбергского процесса в качестве документальных свидетельств обвинения. Общий размер материального вреда религиозным культам, включая нехристианские конфессии, в ценах 1945 г. составил шесть миллиардов двадцать четыре миллиона рублей.

В РСФСР пострадали 588 церквей и 23 часовни, в Белоруссии – 206 церквей и 3 часовни, в Латвии – 104 церкви и 5 часовен, в Молдавии – 66 церквей и 2 часовни, в Эстонии – 31 церковь и 10 часовен, в Литве – 15 церквей и 8 часовен и в Карело-Финской ССР – 6 церквей. Другие религиозные конфессии нашей страны также пострадали от фашистского варварства: в годы Великой Отечественной войны были разрушены 237 костелов, 4 мечети, 532 синагоги и 254 иные помещения культового характера, всего – 1027 религиозных сооружений [8].

В начале Великой Отечественной войны практически все религиозные организации СССР откликнулись на поддержку освободительной борьбы народа против фашистских захватчиков. Религиозные деятели обращались с призывами честно выполнить свой религиозный и гражданский долг по защите Отечества. РПЦ и большинство религиозных объединений СССР осуждали представителей духовенства, которые сознательно переходили на сторону немецко-фашистского агрессора, тем самым помогая наводить «новый порядок» на оккупированных советских территориях. Приведем примеры:

- руководитель старообрядцев Белокриницкой иерархии архиепископ Иринарх (Парфенов) в Рождественском послании 1942 г. призывал всех российских старообрядцев, которые воевали за Родину, доблестно служить в Красной Армии и оказывать сопротивление фашистам на оккупированных территориях в партизанских отрядах;

- в начале 1944 г. Армянская Апостольская Церковь (далее ААЦ) на свои собранные пожертвования сформировала танковую колонну им. св. Давида Сасунского. В 1943–1945 гг. ААЦ с разрешения советской власти открывала новые и ранее закрытые храмы, монастыри и духовные школы, налаживала издательскую деятельность, восстановила контакты с зарубежными епархиями и общинами. Местоблюститель Эчмиадзинского Престола архиепископ Геворг Чеорекчян с личного разрешения И.В. Сталина в апреле 1945 г. вернул армянской церкви здания Эчмиадзина. За свои добрые деяния, просветительскую деятельность и активную борьбу с фашизмом в июне 1945 г. Национально-церковный Собор Армянской Апостольской Церкви и представители армянской епархий всего мира избрали Католикосом всех армян архиепископ Геворга Чеорекчяна;

- председатель Центрального духовного управления мусульман муфтий Г. Расулев в мае 1942 г. на съезде исламского духовенства в г. Уфе обратился к мусульманам с призывом защиты своей Родины, что по мусульманским канонам является одними из условий истинной веры.

В годы Великой Отечественной войны советское правительство проводило компромиссную политику и по отношению к католическому духовенству и верующим, объясняя свои позиции стремлением советского государства к установлению контактов с папским Престолом. Так, в мае 1944 г. в СССР находился американский католический священник С. Орлеманский, который был принят И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, которые от имени советского руководства и государства подтвердили стремление СССР к сотрудничеству и восстановлению нормальных межгосударственных отношений с Ватиканом. К сожалению, Папа Пий XII не переставал выступать с заявлениями, осуждающими коммунизм и советский атеизм, советское руководство в целом. Поэтому СССР пришлось отказаться от поиска компромисса с Ватиканом, а с весны 1945 г. Ватикан стал характеризоваться советской властью и партийными органами защитником фашизма, стремящегося к усилению своей власти в послевоенном мире.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

- народы СССР смогли победить в Великой Отечественной войне еще и потому, что большое число верующих и разные религиозные конфессии нашей страны вместе противостояли врагу, благодаря духовному и патриотическому объединению, сочетанию религиозной веры любви к Родине.
- патриотическая позиция других традиционных вероисповеданий народов СССР – ислама, буддизма, иудаизма, – также внесла огромный вклад во всеобщую Победу в Великой отечественной войне;
- важную роль в изменении отношения советской власти к Церкви в лучшую сторону сыграла патриотическая деятельность Русской Православной Церкви, ее руководства и всех верующих в годы войны.

Список используемой литературы:

1. *Яковлев, А. Н.* По мощам и елей. – М., 1995.
2. *Шкаровский, М. В.* Политика Третьего рейха по отношению к РПЦ в свете архивных материалов. Сб. док. – М., 2003.
3. Там же.
4. *Иннокентий, (Павлов), игум.* Церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941 – 1944 гг. – Л., 1983.
5. *Швечиков, А. Н.* Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kazedu.kz/67938>, (дата обращения 02.03.2018).
6. *Дмитрук, Е. Е.* Патриотическая деятельность РПЦ в годы Великой Отечественной войны. – М., 1980;
7. *Смирнов, А.* прот. Противники Креста Господня // Журнал Московского Патриархата. – 1943. – № 3. – С. 25 – 29.
8. Пострадавшие за Веру [Электронный ресурс]. – URL: http://sol-churches.ucoz.org/publ/cerkvi/postradavshie_za_veru/19-5-2, (дата обращения 03.03.2018).